

Александр Ранне, протоиерей

МЕТАМОРФОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ РОССИИ

В Римской империи после легализации христианства границы государства и Церкви совпадали. Это было отражено в Символе веры, окончательно сформулированном на Втором Вселенском Соборе в 381 году в Константинополе: «...Верую в единую, святую, соборную (греч. *καθολικὴ* — всеобщий, всецелый, полный) и апостольскую Церковь...». В X веке византийцы всё ещё верили, что в Римской империи (как на Западе, так и на Востоке) живут по одним законам и верят в одного и того же Единого Бога, во Христа, явившего спасение всему миру. Поэтому каждый народ, принимавший Крещение, становился частью этого огромного экуменического пространства; и единственной идеей, которую он наследовал, была Благая Весть о спасении. Всё это огромное пространство, постепенно распадаясь по национальным признакам и по другим причинам, с одной стороны, сохраняло свою христианскую идентичность, а, с другой, возникающие части единого целого задумывались над осознанием своей особенности. Осмысление христианского Откровения происходило на основе эллинистической культуры и в III—VI веках, и в XII—XV веках, и в XIX — начале XX века, особенно в России. Чувственность, привносимая эллинизмом в христианскую культуру, всё же не разрушала до конца интуицию духовной красоты. У поэтов «серебряного века» в России мы встречаем и впадение в рационализм, и безудержную чувственность, и попытку в «сомнительном» распознать идеальную Женственность. В этой идее сохранялось часто неосознанное впечатление от веры в Покров Пресвятой Богородицы, милостью своей сохраняющей Россию.

Ключевые слова: Бог, Христос, идея, Женственность, Россия, слово, образ, любовь, милость, храм, Православие, Премудрость, вера, грех, самоубийство, эллинизм, эпоха Возрождения

Смысловое содержание греческого слова идея (*idea, logos* — абсолютная божественная идея) означает умопостигаемую вечную реальность, которая складывается из отдельных умопостигаемых вечных реальностей, составляющих некий всеобщий объективно существующий замысел. Начало Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово и Слово было у Бога» — вполне можно понимать сквозь призму платоновской философии. Тем более, что Евангелие было написано на греческом языке. Но для того, кто осмысленно читал начало книги Бытие: «В начале сотворил Бог небо и землю... И сказал Бог... И стало так...», — становится понятно, что древний автор, возможно, не просто заимствует тему творения Словом, скажем, из «Мемфисского богословского трактата» или среднего платонизма, где Высшее понимается как сущность, продуцирующая идеи. Для библейского автора рассказа о Творении Бог не только замыслил мир, не только сотворил его, *но и предложил свободному человеку совместную реализацию Своей Идеи*. Суть этого замысла заключается во включении Творения во Внутрибожественную жизнь при естественном согласии на это свободного и разумного существа, созданного *по Образу Самого Бога*. Цель Творения — создать свободное существо достойное вечности. Способное любить и быть верным в своей любви. Любить не потому, что от рождения получил превалирование генов альтруизма над генами эгоизма и, подчиняясь неосознаваемому внутреннему влечению, стал всеми любимым или гонимым, не в поисках личной или коллективной пользы, но интуитивно прозревая истинную Красоту в жертвенной любви и верности до конца.

Ф.Ницше утверждал, что любовь есть ничто иное как одухотворение чувственности. Но он не захотел принять Библейское утверждение, что сначала было впадение любви в чувственность, описанное в рассказе о грехопадении. И причиной этого, выражаясь современным языком, *decadence*, являлась человеческая гордыня, желание «по своей свободной воле пожить».

Крайнее грехопадение героя романа Ф.М.Достоевского «Бесы» Кириллова, решившегося всё же на самоубийство, заслуживает того, чтобы на его примере проиллюстрировать суть библейской катастрофы в Раю.

Кириллов стремится доказать, что жертвенность Христа ни к чему не привела, но что его жертвенное самоубийство докажет всем возможность абсолютной свободы человека.

«Слушай большую идею: был на земле один день, и в середине земли стояли три креста. Один на кресте до того веровал, что сказал другому: «будешь сегодня со мною в раю». Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресения. Не оправдывалось сказанное. Слушай: этот человек был высший на всей земле, составлял то, для чего ей жить. Вся планета со всем, что на ней, без этого человека — одно сумасшествие. Не было ни прежде, ни после Ему такого же, и никогда, даже до чуда. В том и чудо, что не было и не будет такого же никогда. А если так, если законы природы не пожалели и Этого, даже чудо своё же не пожалели, а заставили и Его жить среди лжи и умереть за ложь, то, стало быть, вся планета есть ложь и стоит на лжи и глупой насмешке. Стало быть, самые законы планеты ложь и диаволов водевилей. Для чего же жить...?»

В отрицании Бога Достоевский заставляет Кириллова дойти до самого конца логического отрицания — отрицания самого себя как субъекта жизнедеятельности.

«... я заявляю своеволие, я обязан уверовать, что не верую. Я начну, и кончу, и дверь отворю. И спасу. Только это одно спасёт всех людей и в следующем же поколении переродит физически; ибо в теперешнем физическом виде, сколько я думал, нельзя быть человеку без прежнего Бога никак. Я три года искал атрибут

божества моего и нашел: атрибут божества моего — Своеволие! Это всё, чем я могу в главном пункте показать непокорность и новую страшную свободу мою. Ибо она очень страшна. Я убиваю себя, чтобы показать непокорность и страшную свободу мою» [1].

Кириллову кажется, что его пример крайнего «своеволия» способен преподать пример другим людям, которым уже не нужно будет идти до конца — они просто поверят в то, что их собственное своеволие может быть законом и их собственного бытия. Хотя, как утверждает современная психология, человек не способен учиться на чужом опыте. В крайнем случае, он может иметь его в виду. Каждый человек, рождающийся в этом мире, должен прожить свою собственную жизнь и сделать свои собственные выборы, за которые только он будет нести ответственность: перед судом ли истории или перед Богом. История, правда, никого не судит, потому что слишком затруднён объективный взгляд обстоятельствами политической конъюнктуры и собственными пристрастиями исследователя.

У Данте в «Божественной комедии» над входом в ад было написано: «И меня создала вечная любовь». Мнение Фомы Аквината о том, что люди в Раю будут испытывать блаженство, наблюдая за тем, как в аду мучаются грешники, скорее можно рассматривать как насмешку. Даже равнодушные, возвращённые в себе равнодушием самих грешников, не укладываются в понимание тех, кто к равнодушию себя не приучил.

Для верующего человека, внимательно читающего историю, не может остаться без внимания тот факт, что именно Бог ищет человека после совершенного им грехопадения. Бог спасает Ноя, выводит избранный им народ из рабства египетского, заботится о покаянии жителей Ниневи, возвращает евреев из плена вавилонского, являет Себя во Христе. И всё это для того, чтобы не умерла идея, сформулированная когда-то Аврааму: «Пойди из земли твоей, от родства твоего, и из дома отца твоего, в землю, которую Я укажу тебе... Я благословлю благословляющих тебя, и злословящих тебя прокляну; и благословятся в тебе все племена земные» (Быт. 12:1,3). Суть этой идеи - в конечной цели спасения Творения.

Жестокие страницы осуществления Божественного замысла, в которых от имени Бога требуется война на уничтожение, всего лишь реализация тех страшных условий существования, которые выросли из принципов принесения человеческих жертвоприношений.

У пророка Иезекииля попущение недолжных постановлений обуславливается неисполнением заповедей: «За то, что они постановлений Моих не исполняли и заповеди Мои отвергли <...> попустил им учреждения не добрые и постановления, от которых они не могли быть живы» (Иез. 20:24-25). То же самое читаем в 80 псалме 13 стихе: «Народ Мой не слушал гласа Моего... Потому я оставил их упорству сердца их, пусть ходят по своим помыслам».

В Библии распространение человечества «по языкам», т.е. в соответствии с особенностями своих культур, рождающихся из своеволия тех, кто хотел построить здание до небес и тем присвоить себе право жить по собственным законам, рассматривается как грех перед Богом, как отказ жить по Божественным законам. Но с другой стороны, это и гимн распространению человечества по земле. Осуществление Божественных замыслов не только по освоению вверенного свободной человеческой воле творения, но и начало творческого владычества над всем тем, что сотворил Бог.

По мысли Н.А.Бердяева, каждый человек должен разгадать идею о себе. Но также и каждый народ, как некая коллективная личность в истории, должен отгадать идею своего собственного существования в истории. Первым, кто задумался о смыслах существования народов, был, наверное, блаженный Августин. Когда Аларих в 410 году взял и разграбил Рим, общественное мнение высших слоёв империи было в полном недоумении: Рим, который на протяжении тысячи лет владычествовал над народами, вознося свои жертвы бесчисленным богам, вдруг подвержен такому унижению почти сразу после официального признания христианства своей официальной государственной религией. В этом отношении, общественное мнение того времени вполне соответствовало иудейским ожиданиям I века. Новый царь, Мессия, должен прийти и вернуть иудеям могущество царства времён царя Давида. Главное в политических ожиданиях элиты - это материальные блага, власть и овладение человеческими душами. Но власть и человеческие сердца должны принадлежать Богу, а материальные блага не должны уводить человека от истинных духовных ценностей, которые только и могут определять благополучное следование человечества к своей конечной цели.

Знаменитый римский поэт близкого круга императора Октавиана Виргилий влагал в уста Юпитера знаменитые слова о римлянах: «His ego nec tempora pono Imperium sine fine dedi» («Я не полагаю им пределов в пространстве и времени, - Я дал им власть, не имеющую конца»). Но уже в конце IV века святой Амвросий Медиоланский, проповедью которого, в своё время, был потрясён блаженный Августин, говорил: «Среди волнений мира Церковь остаётся неподвижной... В то время, как всюду вокруг неё раздаётся страшный треск, она предлагает потерпевшим крушение тихую пристань, где они найдут себе спасение».

В дни трагических недоумений блаженный Августин пишет свою знаменитую книгу «О граде Божиим», в которой размышляет о судьбах мира, продолжая мысли своего учителя. Для него Рим выполнил своё историческое предназначение: мир услышал евангельскую проповедь и теперь другие народы должны соприкоснуться с Благой вестью о Воскресении Христовом и Царствии Божиим. От начала Благодать Божия ведёт человечество к вечной цели, и только в этом смысл исторического процесса. И действительно, варварские народы, завоевавшие Европу, постепенно растворяются в христианизированной культуре Древнего Рима, возникнут национальные государства, духовная жизнь которых так или иначе будет направляться с древней кафедры апостола Петра, а на Востоке, в Новом Риме, будет всеми признаваемый, но безнадежно политически

увядающий император. Также и славянские, и иные племена, объединённые Русью, волеются в этот единый замысел о граде Божьем, который снисходит с Небес, от престола Божьего в «...чистую реку воды жизни, исходящую от престола Бога и Агнца» (Отк. 22:1).

Трагедия же только в том, что человечество никогда не прекращало строить свою Вавилонскую башню, и это всё в большей степени удаляло и удаляет его от Божественного замысла, потому что «люди, по выражению блаженного Августина, создали две любви — два града... Град Божий — любовь к Богу до презрения к себе, и град земной — любовь к себе до ненависти к Богу».

В домонгольский период православная Русь ощущала себя вливающейся в море христианской культуры. Митрополит Иларион в «Слове о Законе и Благодати» с восторгом восклицал: «Лепо Благодати и Истине на новых людей воссиять! ... вера благодатная по всей земле простерлась, и до нашего народа русского дошла. И Закона озеро пересохло...» [2]. Когда же начинает укрепляться Московское княжество и на Востоке, одновременно с падением Константинополя, православные на Ферраро-Флорентийском соборе принимают условия Рима по присоединению к западному христианству, русская православная митрополия всё в большей степени начинает ощущать себя хранительницей истинной веры и идеологическим основанием единства Руси. В основе решающей победы Московского княжества над республиканским (олигархическим) Новгородом лежит именно психологическая невозможность поставить интересы материального благополучия выше духовного единства Церкви. Неслучайно на одной из башен Московского Кремля будет изображён Христос с коленопреклоненными с обеих сторон преподобными Сергием Радонежским и Варлаамом Хутынским. А Дума Российской империи к трёхсотлетию дома Романовых, на пике социального и экономического развития страны, преподнесёт императору Николаю II этот образ с намёком, возможно, на важность московских княжеских и новгородских республиканских традиций.

Но одновременно со всеми этими событиями в народе русском рождается и мечта о Святой Руси, далёкой от трагических несправедливостей и катастрофических событий исторической реальности. Пётр I эту религиозную мечту, рождённую из евангельской проповеди о Царствии Божием, зацементировал в синодальный бюрократический аппарат по управлению церковной жизни. С этого момента все недостатки и преступления государственной власти станут грехами русской церкви, а народная мечта будет осмеяна и растоптана либеральными воззрениями XIX—XX веков и, в прямом смысле, расстреляна большевиками.

Однако Блоковское «...пальнём ка пулей в Святую Русь...» означает не желание расстаться с красивой мечтой, а, скорее, с той изысканной, кондовой и «толстозадой» реальностью, за которой после неисчислимых бед обещано светлое будущее. Проблема вся в том, что весь этот, с позволения сказать, крестный ход, который возглавляет, конечно не Христос, а, скорее, Снежная королева, с её холодностью и безразличием к человеческим страданиям, движется в никуда...

И идут без имени святого
Все двенадцать — вдаль,
Ко всему готовы,
Ничего не жаль.

Интересно, что в начале XX века в 1908 году Александр Блок пишет очень провидческое стихотворение «На поле Куликовом», которое заканчивается призывом к молитве.

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
И чуть ниже:
В твоей тоске, о, Русь!
...И даже мглы — ночной и зарубежной —
Я не боюсь.

Вроде всё о былой славе и боли, но, в то же время, ощущение грядущих пожаров и битв не покидает. Также как и отношение к Руси, как к жене, вызывает, несомненно, ассоциации с библейской темой избрания Богом еврейского народа, как невесты. И, конечно, образ Церкви как Невесты Христовой, в параллельной идеализации вечной женственности.

Я не первый воин, не последний,
Долго будет Родина больна,
Помяни ж за раннею обедней
Мила друга, светлая жена!

В конце 1914 года Блок пишет стихотворение «Я не предал белое знамя», которое уже в послереволюционную эпоху будет включено в знаменитый сборник стихов «Родина». Конечно, прямого отношения к «Белому движению» оно никак не имеет. Более того, многими было подмечено, что белый цвет для поэта обычно ассоциируется с темой о Прекрасной Даме. И не случайно!

В XIX и начале XX веков русская либеральная интеллигенция как бы заново переживала эпоху европейского возрождения, незаметно для себя проваливаясь в просвещенческий нигилизм и хаос революционных смятений.

Если первая встреча девятилетнего Данте Алигьери с Беатриче произошла, когда на ней было благородное красное платье, то чрезвычайно важное для него соприкосновение с уже взрослой девушкой, когда она ему улыбнулась и сказала нечто необычайно приветливое, глубоко затронувшее его душу — было обрамлено в белые цвета её одежд.

Для Александра Блока и тоска, и недоумение, и предощущение грядущей катастрофы, и вера, и любовь — все рядом, в отчаянии от невозможности понять и выстроить своё отношение к происходящему.

А вблизи — всё пусто и немо,
В смертном сне — враги и друзья.
И горит звезда Вифлиема
Так светло как любовь моя.

Русской поэзии и литературе серебряного века были, несомненно, близки идеи эпохи итальянского Возрождения. В средневековые идеалы поклонения прекрасной Даме включается тема Вечной Женственности, связанная с культом Пресвятой Богородицы. В.Соловьёв, прот. Сергей Булгаков, отец Павел Флоренский будут размышлять об идеальной женственной природе земной Церкви, всецело воспринятой Божественной Премудростью. На том месте, где Пресвятая Богородица услышала слова архангела Гавриила в городе Назарет, написано: «Здесь Слово стало плотью» (*Verbum caro hic factum est*), и это было уже услышано и сохранено в Ветхом Завете: «Премудрость созда Себе Дом» - читаем мы в Притчах царя Соломона (Прт.9,1).

Франческо Петрарка, возможно, в молодые годы испытывал к Лауре, которую впервые увидел в храме в Великую пятницу, не только чисто платонические чувства. В свои уже зрелые годы в одном из многочисленных афоризмов он обронил важное признание: «Можно и прекрасное любить постыдно», но всё же на протяжении всей жизни (и даже после смерти Дамы своего сердца) образ прекрасной Лауры будет вдохновлять его творчество.

*И госпожа на милость гнев сменя,
До взгляда снизошла — и оценила,
Что скорбь моя моей вине равна;
И слёзы осушила мне она,
И, осмелев, я вновь взмолился было,
И взор её, несчастного казня,
Сейчас же в камень превратил меня.
Лишь голос мой, оставшийся на воле,
Мадонну звал и Смерть, исполнен боли.*

Уже смертельно уставший и потерявший всякую надежду поэт в одном из сонетов объяснит свой пессимизм тем, что и в душе у него сомкнулись прекрасные глаза дамы его сердца. «*Quasi vedo la mia fortuna in porto? Ma sono troppo stanco ormai e senza speranza, perche I begli occhi della mia donna sono spenti* (sonetto n.CCLXXII, libera riduzione da Le Remi) [3] — «Уже почти вижу судьбу свою в конце пути. Но я уже слишком устал и потерял надежду, потому что прекрасные очи моей дамы (дамы моего сердца?) сомкнулись» (авторский перевод).

Таким же духовно уставшим в одном из последних предсмертных своих стихотворений («Заблудившийся трамвай») предстаёт и Николай Гумилёв.

Он представляет себя вскочившим в вагон несущегося по истории трамвая, заблудившегося в исторических судьбах и катастрофах. Вот революционный Париж, где на обтянутых зелёным сукном лавках продают чулки из кожи гильятинированных мужчин и парики из волос казнённых женщин (Томас Карлейл)

...Вывеска... кровью налитые буквы
Гласят: «Зелённая», — знаю, тут
Вместо капусты и вместо брюквы
Мёртвые головы продают.
Но трамвай летит уже дальше, туда, где:
В красной рубашке, с лицом как вымя,
Голову срезал палач и мне,
Она лежала вместе с другими
Здесь, в ящике скользком, на самом дне.

Не только палач в красной рубахе потерял лицо — лицо потеряла Россия. Она потеряла и лицо, и язык, так что певец её красоты С.Есенин в стихотворении, где умышленно спутываются все смыслы, признаётся:

Язык сограждан стал мне как чужой,
В своей стране я словно иностранец.

Русь Святая у него превратилась в Русь советскую, его поэзия и он сам здесь уже не нужны, но там, на туманном берегу, остаётся то, что достойно любви и во что он продолжает всё-таки верить.

Но не любить тебя, не верить
Я научиться не могу.

Трамвай Н.Гумилёва уже несётся по рельсам его собственной истории, и перед нашими глазами возникает образ Машеньки, любовь к которой вызывает у поэта глубокую грусть. Под этим образом, вероятно, прячется Анна Ахматова. Н.Гумилёв долго добивался её руки, и она вышла за него, как полагают исследователи, без взаимного чувства. Недопонимания приводили к долгим расставаниям и неверности со стороны супруги. Однажды, несколько в шутку, он скажет: «Аня, больше пяти не прилично...». К 1915 году настало время окончательного разрыва отношений. Анна Андреевна напишет ему отчаянное письмо, в котором

всё, что между ними было, будет определено как напрасное и бессмысленное, а он, как всегда благородно, ответит: «Нет, не напрасно, ты научила меня любить Россию и верить в Бога».

Машенька из стихотворения «Заблудившийся трамвай» — не только потаённый образ Анны Андреевны, и речь здесь идёт не только о личной сотканной её рукой судьбе поэта. Здесь и судьба России («Всадника длань в железной перчатке...»), да и всей Вселенной:

Люди и тени стоят у входа в зоологический сад планет.

Но главное и, с нашей точки зрения, самое проникновенное всё же в следующем четверостишье:

...Верной твердынею православья

Врезан Исакий в вышине,

Там отслужу молебен о здравье

Машеньке и панихиду по мне...

Молебен той, которая есть «Честнейшая херувим и славнейшая без сравнения серафим», о той, которая как неверная, но любимая жена пророка Осии, как неверный, но избранный народ еврейский. Наконец, как Церковь земная, устремлённая к совершенству, но в которой иногда трудно рассмотреть то, что достойно любви, если забыть о Христе.

«Благословенное страданье, благословляющий народ...», — скажет Сергей Есенин и вместе со многими своими соотечественниками потеряет те главные смыслы, которые делали его певцом России.

Марина Цветаева, так трогательно-пессимистично отозвавшаяся на трагическую гибель С.Есенина («брат по песенной беде, я завидую тебе»), на смерть Маяковского откликнется трагически карикатурным стихотворением:

Уж... — Вот-те и шлюпка

Любовная лодка!

Ужель из-за юбки?

— Хужей из-за водки.

Опухшая рожа.

С тех пор и на взводе?

Негоже, Серёжа.

— Негоже, Володя...

И всё же здесь у неё ещё не совсем потеряна надежда, она ещё может хоть как-то молиться:

Много храмов разрушил,

А этот — ценней всего.

Упокой, Господи, душу

Усопшего врага твоего.

Все эти удивительные судьбы поэтов серебряного века, безусловно, имеют пророческое звучание, которое отражается в их творчестве, напоённом библейским содержанием. «Любовь, — по апостолу Павлу, — никогда не перестаёт». Может быть прав Данте: «Истинная любовь не может быть безответной?». Даже, если за неё распинают.

Слова русского православного исповедника архимандрита Афанасия Сахарова «Русь Святая — храни веру православную» — требуют напряжённого мучительного поиска всегда новых ответов на вечные вопросы: что есть Святая Русь и почему именно она и для кого должна хранить Истину, явленную во Христе? И как в этой запутанной и часто мрачноватой действительности не потерять образ той смиренной любящей женственности, которая и покрывала, и согревала, и хранила народ русский в его истории?

«Спасение от образования и от женщин», запишет в своей записной книжке Ф.М.Достоевский, а незадолго до своей смерти в письме к Анне Григорьевне, которое было написано из Эмса в 1878 году, вздохнёт: «Выручал Бог до сих пор, как-то будет дальше. Подлинно на одну только милость Его надеюсь».

«Днесь лик святых, в земли нашей Богу угодивших, предстоит в Церкви, и невидимо за ны молится Богу...» — поём мы на праздник Всех святых, в земле Российской просиявших. И стоит, в этой связи, помнить завещание русского философа Ивана Ильина: «Ценность имеет не народ вообще, а народ, духовно живущий».

У нас большая страна, и в ней живут люди различных верований и упований, но и Константин Великий, и равноапостольный князь Владимир, проводя свои государственные реформы, уповали, прежде всего, на духовное единение сограждан.

«...нет более глубокого единения, как в одинаковом созерцании единого Бога», — писал Иван Ильин. Особенно, добавим мы, если из этого созерцания рождается необходимость любви к собственным согражданам, освящаемая творческим поиском Вечного Идеала. Для православного христианина он - во Христе. Для всех остальных пусть жертвенная любовь и верность до конца будут творческим объединяющим поиском национальной идеи России.

1. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 5. М.: Астрель, 2003. С. 625-626.

2. Иларион, митрополит. Слово о законе и Благодати. Москва: Скрипторий, 1994. С. 61.

3. Letture italiane per stranieri. Le Monier-Firenze, 1974. P. 30. Libera riduzione da Le Rime di Francesco Petrarca, sonetto n. CCLXXII.

4. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 6. М.: Астрель, 2003. С. 741.

References

1. Dostoyevskiy F.M. Sobraniye sochineniy: V 9 t. T. 5. M.: Astrel', 2003. S. 625-626.
2. Ilarion, mitropolit. Slovo o zakone i Blagodati. Moskva: Skriptoriy, 1994. S. 61.
3. Letture italiane per stranieri. Le Monier-Firenze, 1974. P. 30. Libera riduzione da Le Rime di Francesco Petrarca, sonetto n. CCLXXII.
4. Dostoyevskiy F.M. Sobraniye sochineniy: V 9 t. T. 6. M.: Astrel', 2003. S. 741.

Alexander Ranne, Archpriest. Metamorphoses of the national idea of Russia. In the Roman Empire after the legalization of Christianity, the boundaries of the state and the Church coincided. This was reflected in a certain way in the Article of faith finally formulated at the second Ecumenical Council in Constantinople in 381: "...I believe in one, Holy, Cathedral (Greek — "Catholic" — universal, wholehearted, complete) and Apostolic Church...". In the X century, the Byzantines still believed that people in the Roman Empire (in the West and in the East) lived by the same law and believe in the same one God – in Christ, who brought salvation to the world. Therefore, every people who were baptized became a part of this vast Ecumenical space; and the only idea it inherited was the Good News of salvation. Russian people managed to retain its Christian identity. The understanding of Christian Revelation took place on the basis of Hellenistic culture both in the III—VI centuries, in the XII—XV centuries, and in the XIX — beginning of the XX century, especially in Russia. But the comprehension of Hellenism inevitably leads to a variety of approaches and opinions ranging from pantheism to rationalism. However, the sensuality introduced by Hellenism in the Christian culture did not destroy intuition of spiritual beauty. Among the poets of the Silver age in Russia, we find rationalism, and unrestrained sensuality, and an attempt to recognize the ideal Femininity in the "doubtful".

Keywords: God, Christ, idea, Femininity, Russia, word, image, love, mercy, temple, Orthodoxy, Wisdom, faith, sin, self-murder, Hellenism, Renaissance.

Сведения об авторе. Александр Ранне — протоиерей, кандидат богословских наук, председатель Отдела религиозного образования и катехизации Новгородской епархии Русской Православной Церкви (Великий Новгород); ranne@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 25.03.2018.